

Т е м а н о м е р а : Основания идентичности

Этноязыковое поведение молодых казанцев (по материалам полуформализованных интервью)

Макарова Гузель Ильясовна –
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ, Казань

E-mail: makarova_guzel@mail.ru

Этноязыковое поведение молодых казанцев (по материалам полуформализованных интервью)

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.467

Аннотация. В статье рассматривается, как произошедшие в постсоветский период в Татарстане изменения в статусе татарского языка и введение его обязательного преподавания в школах республики сказываются на этноязыковом поведении молодых казанцев. Статья строится на текстах 20 полуформализованных (с элементами биографических) интервью с татарами и русскими 18–29 лет. Среди интервьюируемых, согласно их отношению к татарскому языку, были выделены три группы, которые условно обозначались как «ориентированные на язык», «среднеориентированные» и «нигилисты». Проведённый анализ показал, что в столице Татарстана доминирующим языком коммуникации на работе был и остаётся русский язык. Исключение составляют те, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с татарским языком и культурой. В ряде сфер – политика, госслужба – татарский язык важен как символический ресурс. Фрагментарно он используется в сферах, занятых работой с населением, особенно с выездом в сельские районы республики. Наиболее редко он употребляется специалистами технической сферы, особенно ИТ. Языком общения казанской молодёжи в дружеской среде также выступает главным образом русский, хотя приехавшие из сёл Татарстана либо обучавшиеся в городских татарских школах и гимназиях наряду с русским используют и татарский язык. Другие представители молодого поколения (татары и русские), как правило, ограничиваются употреблением отдельных фраз и выражений. В то же время дома татары нередко используют родной язык. Многие выбирают ту или иную тактику обучения ему собственных детей, видя в этом способ сохранения своей этнической идентичности. Большинство русских поощряют уроки татарского языка в школе как проявление толерантности к народу-соседу и уважения к этнокультурной специфике региона, в котором они живут.

Ключевые слова: этноязыковое поведение, языковые практики, русский язык, татарский язык, молодёжь

Последние десятилетия характеризовались рядом существенных перемен в этнокультурном развитии Татарстана. С провозглашением суверенитета (1990 г.) здесь начала проводиться своя относительно самостоятельная языковая политика, направленная в первую очередь на сохранение и развитие татарского языка. Законодательно в качестве государственных в регионе были закреплены два языка: русский и татарский [Закон... 1992]. Начался активный процесс открытия татарских национальных школ и гимназий (в 1990-е гг. также появлялись татаро-турецкие лицеи, в которых, помимо русского и татарского языков, преподавались турецкий и арабский). Татарский язык стал обязательным для изучения во всех школах республики в равных с русским объемах. Всё это происходило в русле общей для всей России 1990-х гг. тенденции стимулируемого этнонациональными элитами возрождения языков локальных идентичностей.

Одновременно с открытием административных и идеологических границ бывшего Советского Союза среди части населения Татарстана, как и страны в целом, проявились ориентации на Запад, началось распространение глобальных культурных практик и ценностей. В связи с этим всё более популярными (особенно среди молодого поколения) стали иностранные языки, в первую очередь английский. Возросла их востребованность при поступлении на работу. Усвоению этих языков также способствовала трансформация системы образования, СМИ, досуга, развитие туризма.

В условиях названных изменений в республике подросло и социализировалось новое поколение татарстанцев. Однако важно проанализировать, как эти преобразования сказались на языковых практиках по сравнению с поздним советским периодом, когда ведущим языком коммуникации для населения республики был русский (за исключением татарских сельских районов, в которых аналогичные функции продолжал выполнять татарский язык). Какие языки молодёжь Татарстана использует сегодня в процессе делового, а также повседневного общения (в семье, в быту, с друзьями)? И каковы её установки на воспитание своих (в том числе будущих) детей?

Необходимо отметить, что в разные периоды этноязыковые процессы в Республике Татарстан изучались в работах Я. З. Гарипова, А. Ф. Валеевой, З. А. Исхаковой, Л. М. Мухарямовой, Д. Н. Мустафиной, а также коллектива исследователей Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (в составе Г. Ф. Габдрахманова, Г. И. Макарова, Р. Н. Мусина, Л. В. Сагитова) [Гарипов 2017; Мухарямова 2003; Исхакова 2002]. Актуальность всех названных вопросов стала особенно очевидной в связи с выступлением Президента

Татарский язык стал обязательным для изучения во всех школах республики в равных с русским объемах. Это происходило в русле общей для всей России 1990-х гг. тенденции стимулируемого этнонациональными элитами возрождения языков локальных идентичностей.

Одновременно с открытием административных и идеологических границ бывшего Советского Союза среди части населения Татарстана, как и страны в целом, проявились ориентации на Запад, началось распространение глобальных культурных практик и ценностей.

страны В. В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле 20 июля 2017 г. [Заседание Совета... 2017].

Рассмотрим обозначенную проблему, опираясь на тексты 20 полужформализованных (с элементами биографических) интервью с молодыми (18–29 лет) жителями столицы республики г. Казани, осуществлённых в 2016 г. Десять из них были проведены среди русской молодёжи и десять – среди татарской. Интервьюируемые отбирались по принципу их отношения к татарскому языку, к вопросам его сохранения и развития¹. При этом нами были выделены группы, условно обозначаемые как «ориентированные на язык», «среднеориентированные» (или «умеренные») и «нигилисты» (группы были представлены примерно в равном количестве). По желанию респондента интервью проводились на русском либо татарском языках.

В ходе исследования группу татар, «ориентированных» на развитие татарского языка и повышение его статуса в республике, составили респонденты, свободно владеющие языком. В большинстве случаев интервьюируемые в детстве жили и обучались (хотя бы некоторое время) на селе, либо родились в городе и учились в городских татарских школах или гимназиях. В их семьях говорили только или преимущественно на татарском языке. В свою очередь русскими, нацеленными на поддержание татарского языка и его использование на практике, оказались выросшие в сельских районах Татарстана либо единицы тех, кого стимулировали к его изучению определённые обстоятельства (прежде всего установки родителей, старшего поколения).

«Нигилисты» были представлены в первую очередь русскими и татарами, выросшими за пределами Татарстана, либо теми, чьи родители жили в других регионах России (соответственно, среди татар это были воспитывавшиеся в русскоязычных семьях). В связи с этим они имели и испытывают до сих пор определённые трудности с изучением и пониманием татарского языка.

Наконец, «среднеориентированные» татары, согласно данным интервью, обычно знают татарский язык и умеют объясняться на нём, но не в совершенстве. В их семьях говорили на русском и татарском языках, и они, как правило, учились в русскоязычных школах Казани. «Среднеориентированные» русские в общих чертах понимают суть сказанного на татарском языке, но не говорят на нём. Как правило, они усвоили азы татарского языка в ходе его изучения в школе.

¹ Исследование проводилось коллективом авторов – учёных Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (рук. Г. Ф. Габдрахманова) в рамках Государственной программы РТ «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы».

Подчеркнём, что границы между названными группами относительно, и на практике встречается множество конкретных вариантов отношения молодых казанцев к этноязыковым вопросам. Однако в данном случае нам было важно выделить и изучить субъективные эмоционально-ценностные аспекты языкового поведения наиболее типичной группы – «среднеориентированных», с одной стороны, и, напротив, наиболее «экзотичных» и нестандартных их представителей – «нигилистов» и «ориентированных» на поддержание и развитие татарского языка¹ – с другой.

Языки в ситуациях делового общения

Анализ текстов интервью показал, что в процессе деловой коммуникации молодёжь Казани чаще всего пользуется русским либо преимущественно русским языком. Исключение составляют случаи, когда профессиональная специализация предполагает осуществление обязанностей и взаимодействие на работе на татарском языке.

Непременное владение татарским языком, по представлениям молодых казанцев, помимо указанных выше примеров, сегодня необходимо лишь для работников государственных органов РТ – депутатов и чиновников разных уровней, хотя среди наших респондентов таковых не оказалось: «...только единственное..., насколько я знаю..., если депутаты, или во власти – то там нужно знание татарского языка. Именно в Татарстане» (муж., русск., «среднеориентир»). Приведём также более развёрнутый фрагмент другого интервью.

И. (интервьюер): *В Татарстане такой необходимости знать татарский нет? То есть можно на русском коммуницировать?*

Р. (респондент): *Если только ты не хочешь быть чиновником каким-нибудь. /.../ Там... язык превращается в своего рода инструмент для повышения своего статуса* (жен., русск., «среднеориентир»).

Признавалось также, что определённые коммуникационные навыки на данном языке значимы для работающих с населением, например, для юристов нотариальных контор: «Она (жена респондента, татарка – Г. М.) работает сейчас

¹ Далее, приводя цитаты из интервью, будем в скобках обозначать данные группы сокращенно: «среднеориентир», «нигилисты», «ориентир».

В процессе деловой коммуникации молодёжь Казани чаще всего пользуется русским либо преимущественно русским языком. Исключение составляют случаи, когда профессиональная специализация предполагает осуществление обязанностей и взаимодействие на работе на татарском языке.

Непременное владение татарским языком, по представлениям молодых казанцев, сегодня необходимо лишь для работников государственных органов РТ – депутатов и чиновников разных уровней.

юрисконсульт у нотариуса. И там ... люди приходят к нотариусу, они на татарском языке разговаривают. /.../ Люди приходят и с порога начинают задавать вопросы какие-то на татарском языке. Знание татарского языка здесь только на пользу играет. Потому что ей не нужно переспрашивать. Она может ответить, как минимум, на русском, что им нужно. Главное, что она может понять, что им нужно. Это хорошо» (муж., русск., «ориентир»). Пригождается знание языка и тем, чья трудовая деятельность связана с поездками по городам и районам Татарстана. И хотя сегодня большинство населения республики владеет русским языком, однако людям нередко удобнее общаться на татарском, особенно в сёлах. Соответственно, знание этого языка облегчает взаимопонимание: «Именно на работе встречаешься с тем, что татарский всё-таки нужен. Особенно в Татарстане, потому что приезжаем на объект (интервьюируемая работает в области строительства – Г. М.). Охранники – татарские мужчины лет шестидесяти. /.../ охранник говорит (коллеге интервьюируемой – Г. М.): «Что, татар кызы?» («Татарка?» – Г. М.). «Да». Он на меня смотрит: «А ты?» Я говорю: «Нет». «А, ну ладно», – типа, русская. Я говорю: «Вообще-то, я всё понимаю». Он что-то по-татарски сказал другому охраннику. У того сразу планка уважения поднимается в этот момент: «Татарский знает. Всё, свой человек» (жен., русск., «среднеориентир»).

Владение татарским языком играет положительную роль и в сфере торговли, а именно в коммуникации с татароязычными клиентами, как отмечали интервьюируемые – менеджеры по продажам, секретари-референты крупных торгово-развлекательных центров Казани: «Покупатели сами говорят: «Айдар?». «Айдар». «Татарин?». «Татарин». И сами начинают с тобой разговаривать по-татарски, потому что им так проще. Они себя как дома чувствуют. С улыбкою сразу же» (муж., тат., «ориентир»). Отдельные информанты также признавались, что знание языка помогает им наладить доверительные отношения с начальством – татарами, в поведении которых проявляются элементы национальной предпочтительности.

Р.: Естественно, у нас генеральный директор сам татарин. И как-то для него более симпатично, когда сотрудница татарка и знает татарский.

И.: Начальник иногда с вами говорил на татарском?

Р.: Да, да. У него по настроению было. Мог «кызым» («доченька» – Г. М.) сказать по-татарски, вот так вот добрым словом. Попроцаться на татарском мог или пожелать что-нибудь на татарском языке (жен., тат., «среднеориентир»).

Определённые коммуникационные навыки на татарском языке значимы для работающих с населением, для тех, чья трудовая деятельность связана с поездками по городам и районам Татарстана, владение татарским языком играет роль в сфере торговли, в коммуникации с татароязычными клиентами.

Отдельные информанты также признавались, что знание языка помогает им наладить доверительные отношения с начальством – татарами, в поведении которых проявляются элементы национальной предпочтительности.

В ходе интервью многие молодые татары также говорили, что в той или иной мере применяют татарский язык при общении со своими сослуживцами: *«С коллегами-татарами общаемся на татарском языке»* (жен., тат., «ориентир»); *«Опять же можем перекинуться словами только друг с другом»* (муж., тат., «среднеориентир»). Русские в свою очередь, отмечая, что они не против такого общения, указывали, что в целом понимают, о чём идёт речь. И это, как показало исследование, уже во многом заслуга языкового образования в республике последних десятилетий. Приведём пример, подтверждающий данный тезис.

Р.: Именно разговаривать – нет, не получается. Потому что мне всё равно словарного запаса не хватит. Если они мне что-то говорят по-татарски, я им отвечаю по-русски. То есть, они прекрасно понимают, что я их...

И.: Поняла?

Р.: Поняла, да. Сначала-то они думали, что я не знаю язык и что-то там шутили, шутили. И моя подруга... сидит и говорит: «Ты тут дошутишься сейчас». Как бы, что ты болтаешь-то? «Она вообще-то понимает всё, что ты сейчас говоришь». – «Да ладно... Ты знаешь татарский?!» (жен., тат., «среднеориентир»).

Сегодня, по прошествии более чем 25 лет осуществления языково-образовательных реформ в Татарстане, в молодёжной среде татарский язык уже не может использоваться в той же мере в качестве «тайного языка» [Бурыкин 2004]. Хотя некоторые русские всё же отмечали, что им порой бывает непонятен смысл разговора, и они просят объяснить, о чём идёт речь: *«Просто с улыбкой говорю: «Переведите. Я не понимаю»* (муж., русск., «среднеориентир»). И только единицы, отнесённые нами в группу «нигилистов», заявляли, что могут проявить при этом недовольство: *«Я всегда понимала, что государственный язык у нас русский, все люди знают русский. Значит, если мне надо, чтобы мне что-то сказали, пусть говорят на общем нашем языке в России»* (жен., рус., «нигилист»).

Анализируя тексты интервью, мы также пришли к выводу, что есть профессии, представители которых сегодня в ходе делового общения не используют или практически не используют татарский язык. В этом признавались, в первую очередь, информанты (причём в их числе были и те, кто владеет национальным языком и относится положительно к мерам по его сохранению и развитию), чья деятельность связана с современными информационными технологиями, с технической сферой в целом: *«Айтишники, это вообще такое... В IT, вы знаете, английский язык обязателен. Там*

даже делать нечего без знания языка. Поэтому там общение идёт на русском, при этом термины не переводятся. То есть даже если переводятся, то они такие... ну, «контейнер», это же не русское слово. Или «задеплоить», вот эти вещи... Я даже не знаю, как это будет по-русски, «деплоить», да? Деплоим – это и есть деплоим, вроде все привыкли. Там такое общение идёт. И русский такой исковерканный сильно у айтишника. Поэтому татарским там даже и не пахнет! Ну и на татарском нет никаких тематических блоков, например, там по IT, профессиональных» (муж., тат., «нигилист»). А вот отрывок из другого интервью: «Те, кто занимается наукой – физикой, математикой, в общем, техническими науками, – связаны с чтением большого количества научных статей. И тут для меня опять стал очень актуальным английский язык. /.../ Потом /.../ я стал работать айтишником, программистом, где любая информация вообще вся черпается из источников на иностранном, на английском языке. /.../ Поэтому мы даже свою внутреннюю переписку вели на английском языке. И в скайпе между собой на английском языке разговаривали. С индусами в основном, чуть-чуть с американцами» (муж., рус., «ориентир»).

Как результат, татарский язык больше ассоциируется у данных информантов с ситуациями бытового общения, причём с людьми старшего возраста: «Ситуаций, когда мне это необходимо (владение татарским языком – Г. М.) было на самом деле на пальцах руки пересчитать... То есть когда, допустим, какие-то там бабушкины подружки детства, ещё какие-то заходили /.../. Но чтобы передавать какую-то существенную информацию, такого нет. Такого вот не сложилось. Наверное, за весь период сознательной жизни не было, мне так кажется. Я, честно говоря, об этом сожалею» (муж., рус., «ориентир»). Другим респондентом, студентом Иннополиса, татарский язык связывается исключительно с бытом, с деревней и с национальным гостеприимством: «...татарское... – оно часто ассоциируется с татарской деревней. Потому что я больше всего соприкасаюсь с татарским языком в деревне. /.../ У нас, в татарской культуре – наше татарское гостеприимство, например. Я помню, что когда мы ездили в деревню, мы просто спрашивали дорогу, а нам в каждом доме говорили, это вот там, а это там, а давайте пока заходите чай пить к нам. Незнакомые люди совершенно. Ну, и эта наша черта, что в доме уютно. Жена скромная, заботливая, хранительница очага домашнего. Это же наше всё, именно татарские ценности» (муж., тат., «нигилист»).

На значимость английского и других иностранных языков как средства профессиональной коммуникации в свою очередь указывали также ориентированные на работу в разного рода международных компаниях. Вот как отвечает на вопрос

о том, какие языки ему понадобятся для реализации планов в сфере бизнеса, связанного с западными странами, один из интервьюируемых: *«Русский и английский. Я же говорю, какой угодно вопрос у меня спросите про языки, я вам скажу – русский и английский. Русский, потому что он мой родной и мне приятно на нём разговаривать, а английский потому, что он международный. То есть это универсальный ключ, который подходит почти ко всем замкам»* (муж., русск., «среднеориентир»). И вот ещё один пример: *«По работе, например, налаживать контакты с турками ..., вести дела с ними можно, если можешь с ними общаться. Поэтому – турецкий язык. Потом английский... Например, недавно у нас здесь прошёл Форум молодых предпринимателей, если бы мы не знали английского, наш проект не вошёл бы в пятёрку. Аккредитацию мы делали на английском: прошли, президенту показали. Английский язык, в общем, нужен»* (муж., тат., «ориентирован»).

Таким образом, как уже видно из анализа и самих фрагментов интервью, языки делового общения (в том числе использование или неиспользование на работе татарского языка) определяются не столько личной установкой каждого, сколько профессией молодых людей и конкретной сферой их деятельности. При этом мнения и оценки занятых в той или иной из сфер, несмотря на то, что их можно причислить к различным по отношению к татарскому языку группам, во многом совпадают. В то же время практически все наши респонденты оказались едиными в признании того, что сегодня в Казани острой необходимости во владении татарским языком в абсолютном большинстве областей профессиональной деятельности нет. И его знание редко требуется при трудоустройстве¹. То есть, в принципе, можно обойтись и без него. Хотя умение говорить на нём способно принести некоторые дивиденды в тех или иных рабочих ситуациях и помочь успешно решить отдельные вопросы.

В ходе интервью молодыми информантами также высказывались суждения общего характера о нужности/ненужности знания татарского языка. Они нередко связывались с региональной спецификой. При этом одни интервьюируемые обосновывали значимость его изучения стремлением отдать дань этнокультурной самобытности республики: *«... принадлежность к Татарстану есть в татарской культуре. /.../. Я не уверена, насколько мне это нужно. Насколько мне НУЖНО (выделено мной – Г. М.) знать татарский язык. /.../ Но в то же время я понимаю, что для меня это важно»*

¹ Вот как, в частности, отвечает на вопрос: «Что могло бы простимулировать молодёжь в совершенствовании знания татарского языка?» одна из информантов: *«Если бы он был каким-то приоритетным, наверное. В плане, например, когда ... устраиваешься на работу. Так как мы живём в Татарстане, люди, которые татарский знают, будут рассматриваться в первую очередь. Тогда бы может ещё это могло людей стимулировать... Но это уже получается недемократично (смеётся – Г. М.)»* (жен., тат., «среднеориентир»).

(жен., русск., «среднеориентир.»). Другие связывали важность изучение языка с заслугами региона в целом ряде иных областей: *«Татарстан – он впереди планеты всей /.../. Вот что хорошо в Татарстане, так то, что многие бизнес-проекты иностранные, они начинаются в Татарстане /.../. Отсюда надо плясать, что татарский язык когда-то станет чем-то большим, чем сейчас. Но опять-таки всё упирается в то, что Татарстан – это маленькая часть, а Россия-то большая /.../. Но пока существует Татарстан, существует и татарский язык»* (муж., русск., «среднеориентир.»).

В то же время были и интервьюируемые, в основном настроенные в будущем покинуть республику и даже страну, которые, напротив, подчёркивали, что татарский – язык исключительно местного значения. Ареал его действия ограничен, а перспективы малы. Поэтому не стоит тратить время на его изучение. К примеру, один из них в ходе беседы отмечал, что если английский язык открывает в результате овладения им огромный «культурный пласт», то «с татарским языком этого не получится. Потому что культура /.../ сугубо региональная...» (муж., рус., «нигилист»).

Что касается языков общения в процессе учёбы, нужно отметить следующее. Сегодня главным языком не только обучения, но и взаимодействия между однокурсниками, как и сотрудниками, в столице Татарстана выступает русский язык. *«Необходимости (в использовании татарского языка – Г. М.) не было практически никакой. Я занимался общественной жизнью, разными проектами, общественными организациями, – отмечает один из интервьюируемых, татарин. – И даже там таких моментов не было, чтобы возникала необходимость в татарском языке или что-то подобное»* (муж., тат., «среднеориентир.»).

В то же время определённый толчок к использованию национального языка в учебном процессе задаётся сегодня приезжими из других городов и особенно сельских районов республики – татароязычными татарами. В связи с тем, что такие студенты или учащиеся имеются практически во всех учебных заведениях Казани и на всех факультетах, татарскую речь здесь так или иначе можно услышать. В свою очередь те из студентов-казанцев, кто в той или иной мере владеет татарским, стараются их поддержать: *«Иногда бывает, когда люди из татарской группы..., приходится говорить на татарском. /.../ Один тоже... из деревни... татарин..., вот с ним на татарском разговаривают»* (муж., тат., «среднеориентир.»).

Другие в целом воспринимают подобные «островки» татароязычного общения нормально и даже сами усваивают отдельные выражения: *«В университете...у нас приезжают из других городов. Я вообще один казанский. ... От них слышу, что между собой они разговаривают на татарском языке.*

От них какие-то фразы слышишь, и сам начинаешь их употреблять» (муж., рус., «среднеориентр»). Хотя некоторые интервьюируемые приводили и другие примеры.

Р.: Кто-то вообще негативно к нему (к татарскому языку) относится. Когда скажешь что-нибудь на татарском, они как бы так, знаете...

И.: Огрызаются?

Р.: Ну, что ты мне тут говоришь ещё?! Почему ты говоришь не на русском, а на татарском языке?» (жен., тат., «нигилист»).

Стоит, однако, заметить, что в процессе интервью выясняется, что это в основном позиция студентов, приехавших из других регионов России.

Использование языков в повседневной коммуникации

В целом схожие тенденции были обнаружены и при анализе языков общения молодых казанцев в среде друзей, знакомых. Однако здесь – среди выросших в основном в столице республики – татарский язык используется ещё реже: *«У нас всё равно..., и я редко встречаю, чтобы... говорили на татарском языке. Основной язык – русский» (жен., русск., «среднеориентир»); «У нас город не маленький, и скорее всего преобладает русский язык» (муж., тат., «среднеориентир»).* Татароязычные татары в связи с этим сетовали: *«На татарском сейчас уже редко кто говорит; говорить не с кем, если только в деревне» (муж., тат., «сренеориентир»).*

И всё же некоторая часть татарской молодёжи старается разговаривать между собой на татарском или на татарском и русском языках одновременно («смешанном» языке, как обозначали его сами интервьюируемые): *«Тут ещё от чего идёт? Допустим, если я начну что-то спрашивать на татарском, мне ответят тоже на татарском. Если, допустим, у меня спросят на определённом языке, то я уже определённно и отвечу. То есть это взаимозаменяемо..., в принципе так разговор идёт. То есть язык смешанный всегда» (муж., тат., «ориентир»).* При этом было подмечено, что употребляют татарский язык обычно те из казанцев, кто учился в татарской школе/гимназии (хотя бы несколько лет) или ходил в детский сад с «татарским уклоном».

Другие, хотя и имеют родителей-татар, общающихся дома на родном языке (или и на татарском, и на русском), используют его лишь в отдельных случаях, например, для того, чтобы их не поняли окружающие. Это делается, по при-

знанию самих интервьюируемых, в шутку. *«Может быть, если только какие-нибудь специфичные слова, смешные, на татарском звучат. /.../ Например, находишься рядом с людьми, которые знают татарский, и с тобой рядом стоят люди, которые не очень знают татарский. И если скажешь на татарском, а они же не понимают. Смешно на них смотреть, в принципе»* (жен., тат., «среднеориентир»).

Такого рода «приколы», используя молодёжный сленг, в настоящий период без обид воспринимаются большинством молодых русских, в той или иной мере понимающих татарский язык: *«Некоторые мои друзья могут между собой на татарском поболтать, и я что-то пойму. То есть, я отвечу на русском, вообще базовый язык – русский. А так, да – они могут на татарском говорить. Кто-то может и на русском, кто-то – и на английском поговорит. Это будет такой как бы шуточный...»* (муж., рус., «среднеориентир»). Одновременно тех, кто владеет татарским, как и самих татар, подобная ситуация развлекает, и они даже могут сами в ней поучаствовать: *«Друг мой – один из самых близких – крещёный татарин. Он свободно говорит на татарском языке. /.../ Он очень весёлый человек. И периодически у него бывает желание просто начать говорить на татарском языке среди тех, кто вообще его не понимает. Он любит так «прикалываться»... А чтобы целенаправленно, для того, чтобы с кем-то пообщаться на татарском языке, такого нет»* (муж., русск., «ориентир»).

Таким образом, нельзя сказать, что татарский язык в настоящий момент не звучит в молодёжной среде Казани. У большинства выросших в Татарстане он не вызывает какого-либо раздражения или неприятия. Более того, применение отдельных слов и выражений на татарском становится даже модным: *«Я часто употребляю всякие такие фразы,...вот у них принято «Алла бирса» (Бог даст), или ещё «тизрэк» (быстрее – Г. М.) я употребляю»* (муж., русск., «среднеориентир»). Но это не означает использования татарского языка представителями молодого поколения в качестве языка коммуникации.

О том, что татарский язык и татарская культура не уходят из языковой практики молодёжи столицы РТ полностью, говорит и тот факт, что в числе мест проведения досуга половина проинтервьюированных нами (и татар, и русских) отметили татарские театры (в первую очередь, театр Г. Камала)¹. И хотя русские информанты в большинстве случаев указывали, что пользуются наушниками с переводом спектакля на русский язык, уже сама атмосфера предполагает естественное и благожелательное восприятие татарского языка, в чём мы убедились в ходе наблюдений [Макарова 2016]. Эти наблюдения

¹ Некоторые представители татарской молодёжи также отмечали, что ходят на татарские концерты, слушают татарские песни.

Нельзя сказать, что татарский язык в настоящий момент не звучит в молодёжной среде Казани. У большинства выросших в Татарстане он не вызывает раздражения или неприятия. Более того, применение отдельных слов и выражений на татарском становится даже модным. Но это не означает использования татарского языка молодёжью в качестве языка коммуникации.

То, что татарский язык и татарская культура не уходят из языковой практики молодёжи столицы РТ полностью, подтверждает тот факт, что в числе мест проведения досуга были отмечены татарские театры.

также подтвердили выводы социолингвистов [Gumperz 1982; Appel 1987], в том числе отечественных [Речевое общение... 2000; Салихова, Искужина 2013], о том, что само окружение, условия протекания коммуникации существенно влияют на выбор языка общения. Не случайно татароязычные, особенно татары, переехавшие из деревни, говорили, что для них национальный театр – одна из немногочисленных городских территорий, где звучит татарская речь, и это некая «отдушина» в условиях русскоязычного окружения: *«Камал театры эченэ килеп кергэч, мин, чөнки Камал театры ул безнең өчен нәрсә булып калды Казанд. Беренче мин анда килеп кергэч, үземне рэхәт хис итә торган урын, чөнки анда кемгә дә барып татарча дәшәргә була. Нәм син беләсең, кеше сиңа татарча җавап кайтара икәннән. (Когда я вхожу в театр Камала, для меня это в Казани самое первое. Когда я туда прихожу, я хорошо себя чувствую, потому что там к кому угодно можно подойти и обратиться на татарском языке. И ты знаешь, этот человек ответит тебе также)»* (жен., тат., «ориентир»).

Наконец, нельзя обойти вниманием и тот факт, что важным посредником в общении молодёжи со своими сверстниками выступает сегодня интернет. Здесь татарский язык пока применяется единицами татар. При этом его использование нередко становится для них формой демонстрации своей этнической идентичности: *«Я, например, специально так говорю, когда общаюсь по WhatsApp, Viber, «Вконтакте», пишу sms-сообщения. Я знаю, что это татарин, однако он обычно разговаривает по-русски. Я, наоборот, задаю ему вопрос на правильном татарском языке и проверяю, как он мне ответит. /.../ Был такой случай недавно. Человек общается с друзьями на русском, с родителями как – не знаю. Среда у него русская, и вот он мне на правильном татарском языке ответил. Так приятно было прочитать, заставил меня улыбнуться ...»* (жен., тат., «ориентир»). В свою очередь, среди интервьюируемых русских были отметившие, что и в этой среде воспринимают татарский язык нормально: *«К пятому курсу у нас уже такое началось, что и в чатах /.../ по-татарски пишут, а ты сидишь и думаешь: что же ты сказал? Притом, что пишется всё русскими буквами. И ты уже начинаешь в мозгах соображать: а как это могло быть по-татарски написано? /.../ Но я не вмешиваюсь. Я просто читаю этот диалог»* (жен., русск., «среднеориентир»).

Языки в семьях

Анализируя этноязыковое поведение молодых казанцев, важно остановиться на вопросе выбора языков коммуникации в создаваемых ими семьях, а также для взаимодействия

с представителями противоположного пола, с которыми они планируют создать семью. Попытаемся при этом выяснить, как в данном выборе проявляются или могут сказываться разного рода факторы, начиная от языков воспитания самих информантов и их школьного образования и заканчивая влиянием языковой среды города.

Прежде всего обратимся к анализу текстов интервью с татарами. Ориентированные на поддержку и развитие в республике татарского языка выказывали готовность к проведению такой же линии в собственных семьях. *«Я хочу видеть рядом с собой человека, который будет хорошо разговаривать на татарском языке, – говорит информант-татарка, выросшая в сельском районе Татарстана, в семье которой говорили исключительно на татарском языке. – Во-первых, потому что ему тяжело будет общаться с моими родителями, с бабушкой, дедушкой. Я не говорю, что мои родители не знают русского языка. Они знают, но мы все с родственниками, бабушками, дедушками на татарском общаемся. Им же будет неудобно, им надо переводить»* (жен., тат., «ориентир»). И далее продолжает рассуждать уже про своего будущего ребенка: *«Мне кажется, с детства, пусть не с колыбели, а как только он начинает говорить (надо учить татарскому – Г. М.). Он же начинает говорить, услышав говор родителей, слова говорит. В первую очередь, в семье надо учить»*.

Другая татарка, тоже проведшая детство в деревне и обучавшаяся на татарском языке, объясняет собственную установку на его поддержание в качестве языка семейного общения необходимостью сохранения татарской идентичности и воспроизведения татароязычной среды в условиях её продолжающегося сужения¹: *«Телне белергә кирәк дип саныым. Рус телен дә белергә кирәк, әлбәттә. Теге мин балаларыма анда рус телен өйрәтмим дигән сүз түгел. Алар аны иркән аралашсыннар. әмма ләкин безнең үзебез өчен, татар халкы өчен, мин саныым /.../ татар телен саклап калу кирәк. Безнең мохит кечерәйгәннән кечерәя бара. Һәм шуңа күрә ул мохитне өйдә булса да булдырырга кирәк. Һәм кайда тагын булдыра аласың балага? /.../ Аларның телгә, милләткә тартылу шул очрактагына була. (Я считаю, что язык надо знать. И русский язык надо знать, конечно же. Я не говорю, что мои дети не будут изучать русский язык. Пусть свободно общаются. Однако для нас, для татарского народа, я считаю, надо /.../ беречь татарский язык. Наша среда становится всё меньше и меньше. Поэтому эту среду надо создать хотя бы дома. А ещё где ты можешь создать такую среду для ребёнка? /.../ Их можно притягивать к языку, к нации только в том случае, если*

¹ Об аналогичных тенденциях в других регионах России пишут И. В. Нам, Е. И. Клементьев, Л. В. Намруева и др. [Нам 2005; Клементьев 2005; Намруева 2014].

это в них вложить с детства)» (жен., тат., «ориентир»)¹. Она же уточняет далее свою позицию, отмечая, что сохранение татарского языка как раз и зависит в первую очередь от самосознания самих татар: *«Миңа калса, безгә ул ситуацияне үзгәрткәнче, милли үзаң булдырырга кирәк. Кешеләрнең аңлы рәвештә үзләренең телен аңлау, милләтен аңлау кирәк. (Мне кажется, чтобы изменить данную ситуацию, должно быть национальное самосознание. Люди сознательно должны понимать свой язык, свою нацию)»*.

И даже те из ориентированных на поддержание татарского языка молодых людей, у кого девушки (будущие жёны) не знают его в совершенстве, настроены общаться с ними в семье именно на татарском. *«А так больше на татарском общаемся тоже..., инициатива больше от меня – разговаривать на татарском»* (муж., тат., «ориентир») – подчёркивает татарин, проживавший до 4-х лет в деревне и обучавшийся в городской татарской гимназии.

Выделенные нами в группу «умеренных» татары – как правило, городские по происхождению и сами не владеющие в совершенстве татарским языком – чаще отмечали, что хотели бы обучать детей своему языку. Однако это не высказывалось в категоричной форме. Вот как, к примеру, размышляет респондент, родившаяся в Казани и окончившая русскоязычную школу: *«Я же татарка, и хочется, чтобы ребёнок тоже понимал и знал татарский язык. Навязывать, естественно, я не буду»* (жен., тат., «среднеориентир»).

Одни информанты заявляли, что готовы отдать своего ребёнка в татарскую группу в детском саду, поскольку дома они сами говорят по-русски: *«Я только «за». Мы изначально же планировали её отдать в другой садик, татарский. Я как раз таки хотела, чтобы она там усваивала этот язык. Туда попасть не удалось. Перевелись сюда. Здесь, я думала, будет русская группа. А когда выяснила, что татарская, я только рада была, и бабушки и дедушки все рады. Несмотря на то, что они сами не разговаривают на татарском, они настаивают, чтобы Алия знала, учила татарский»* (жен., тат., «среднеориентир»). Другие отмечали, что будут стараться говорить в семье на двух языках – татарском и русском: *«50 на 50. То есть, допустим, какие-то контексты вести на татарском, какие-то уменьшительно-ласкательные слова добавлять на татарском, также как и на русском. /.../ Но однозначно я считаю, что татарский в любом случае у них должен быть базой. /.../ Татарский – это их родной язык, но, тем не менее, знать русский тоже очень хорошо»* (муж., тат., «среднеориентир»).

¹ И вот ещё одна схожая цитата. На этот раз говорит молодой человек – татарин, живший до четырёх лет в деревне и обучавшийся в татарской гимназии: *«...татарский язык, он же потихоньку вымирает. Каждый год мы какое-то слово забываем. /.../ Да, вымирает, это для меня факт. ...Татарский язык для меня – это семья прежде всего»* (муж., тат., «ориентир»).

Тех татар, кто откровенно высказался бы против любых форм общения на татарском и обучения ему своих детей как дома, так и в школе в ходе нашего исследования мы не встретили. Хотя были те, кто считали его знание не обязательным.

Среди русских таковых тоже были единицы. Причём почти никто не выражал недовольства тем, что на нём говорят сами татары. Звучали только отдельные высказывания против форм обучения ему в школах республики: *«Я считаю, что моему ребёнку он не пригодится. Хотя если он сам выразит желание знать татарский, я буду этому рада. Пусть знает. Всё-таки язык – это всегда полезно, несмотря на то, какой это язык. Но на самом деле очень, очень важно немножко ослабить правила изучения татарского языка. Либо сбавить количество часов для русских людей, либо сделать его по выбору»* (жен., русск., «нигилист»).

Что касается домашнего общения, абсолютное большинство проинтервьюированных русских отмечали, что не используют татарский язык ни в семьях родителей (хотя некоторые из родителей его понимают), ни в своих семьях. Однако обычно они не против, чтобы их дети (настоящие или будущие) в какой-то мере изучали данный язык. *«Английский я бы хотел, чтоб они знали, причём знали хорошо, прям с первого класса, – говорит один из них. – Татарский, естественно, в школе»* (муж., рус., «среднеориентир»). Кто-то из русских объяснял своё отношение к татарскому языку важностью сохранения мирного взаимодействия народов и их культур в Татарстане: *«На самом деле я считаю, что это (взаимодействие языков и культур – Г. М.) особенность, которая влияет, в том числе на жителей республики. Учит нас толерантности, более широкому /.../ мировоззрению»* (жен., рус., «среднеориентир»).

Наконец, встречались немногие русские, которые не только знают татарский язык, но и стараются общаться на нём или на обоих языках (русском и татарском), в том числе со своими родственниками из числа татар. Так, один из них вспоминает, каким образом им выстраивалось языковое взаимодействие с роднёй со стороны его жены-татарки. *«Периодически было, в первые какие-то наши встречи с родственниками, что они что-нибудь рассказывали и говорили потом Карине, моей жене: «Переведи ему». Она говорит: «А зачем? Он итак всё понимает»* (муж., русск., «ориентир»). При этом, по признанию самого информанта, с каждым разом коммуникация на татарском языке давалась ему всё легче – вспоминались навыки, усвоенные в детстве в ходе общения со сверстниками из Рыбно-Слободского района. Он же, говоря далее о своих установках на обучение будущих детей языкам, замечает: *«... если у супруги моей будет желание ребёнка обучить татарскому языку, или бабушка, например, захочет этого, я – пожалуйста. То есть, чем больше он будет знать языков, тем лучше».*

И вот другой пример. Выросший в Казани (в Старо-Татарской слободе) русский, которому установка на обучение татарскому языку была дана родителями и бабушкой, отвечает на вопрос «Каким языкам вы будете обучать детей в семье?»: *«Мы, поскольку всё-таки знаем три языка более-менее, кроме русского, татарский и английский. Будем как в семье Ленина...»* (муж., русск., «ориентир»). До этого интервьюируемый рассказывал о практике, про которую он узнал в музее В. И. Ленина, где *«было принято устраивать дни разных языков»*.

Заключение

Анализ текстов интервью позволил прояснить ситуацию с использованием молодыми казанцами татарского, русского и других языков в ситуациях делового и повседневного общения.

Выяснилось, что в столице Татарстана доминирующим языком коммуникации на работе для представителей абсолютного большинства профессий был и остаётся русский язык. Исключение составляют те из них, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с татарским языком и культурой. В ряде сфер татарский язык важен как символический ресурс – это в первую очередь сфера политики и госслужбы. В других профессиональных областях он используется молодыми людьми фрагментарно, например, в работе с населением (в частности, были упомянуты служащие паспортных столов, юристы нотариальных контор, менеджеры торговых центров и т. д.), а также выезжающими по роду деятельности в сельские районы и города республики.

Татарский язык может применяться в процессе общения между коллегами, главным образом татарами. При этом родившиеся в Татарстане и обучавшиеся в школах РТ русские, как правило, понимают, о чём идёт речь. И их уже не обижают ситуации, когда при них говорят не на русском, как это было в поздний советский или ранний постсоветский периоды.

Проведённое исследование также выявило области профессиональной деятельности, в которых татарский язык употребляется крайне редко. Согласно данным интервью, в Казани это прежде всего IT-технологии и вообще техническая сфера. Кроме того, он почти не присутствует в работе менеджеров разного рода зарубежных компаний. Весьма востребованным и в том, и в другом случае, помимо русского, является английский язык.

Таким образом, использование или неиспользование в практике деловой коммуникации татарского языка определяется сегодня не только и не столько его знанием и жела-

Татарский язык может применяться в процессе общения между коллегами, главным образом татарами. При этом родившиеся в Татарстане и обучавшиеся в школах РТ русские, как правило, понимают, о чём идёт речь.

нием самого молодого человека, сколько той сферой, в которой он работает. Однако лишь в единичных случаях владение им является обязательным требованием работодателя.

Языком общения казанской молодёжи в дружеской среде выступает главным образом русский. Хотя отдельными категориями интервьюируемых (приехавших из сёл Татарстана либо обучавшихся в городских татарских школах и гимназиях), наряду с русским, используется и татарский язык. В некоторых случаях их число пополняют те, у кого в семье говорили исключительно или преимущественно на татарском. Другие представители молодого поколения (татары и русские), как правило, ограничиваются употреблением отдельных фраз и выражений.

В то же время дома, особенно при общении с людьми старшего поколения, татары нередко используют родной язык. Многие выбирают ту или иную тактику обучения ему собственных детей. И в этом им видится способ сохранения своей этнической идентичности. Русские в большинстве своём поощряют уроки татарского языка в школе как проявление толерантности к народу-соседу и уважения к региону, в котором они живут, к его этнокультурной специфике.

Таким образом, последние два с половиной десятилетия реформ в Татарстане кардинально не изменили ситуацию с функционированием в регионе татарского языка. Он не стал равным с русским языком общения молодых людей в трудовом коллективе, с однокурсниками или друзьями, хотя по-прежнему остаётся значимым средством коммуникации в семье и важным фактором поддержания идентичности татар. В то же время положительным является уже то, что национальный язык не вызывает сегодня отторжения у большинства молодых казанцев и не связывается исключительно с сельским бытом и сельской культурой. В настоящий период можно встретить некоторых русских, неплохо владеющих татарским языком, применяющих его на работе и в семьях, что является заслугой преподавания языка в школах Татарстана.

Наконец, использование в среде городской молодёжи слов и фраз на татарском языке говорит о том, что «татарское» даже становится в некоторой мере модным. По-видимому, это не только влияние языковой политики республики, но и рост статуса Татарстана в ряду других регионов России, благодаря усилиям руководства Республики по формированию регионального бренда и региональной идентичности.

Библиографический список

Бурыкин А. А. 2004. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие (язык меньшинства как «тайный язык» в отечественном социокультурном контексте)

Русские в большинстве своём поощряют уроки татарского языка в школе как проявление толерантности к народу-соседу и уважения к региону, в котором они живут, к его этнокультурной специфике.

Последние два с половиной десятилетия реформ в Татарстане кардинально не изменили ситуацию с татарским языком. Он не стал равным с русским языком общения молодых людей в трудовом коллективе, с однокурсниками или друзьями, но по-прежнему остаётся значимым средством коммуникации в семье и важным фактором поддержания идентичности татар.

// Отражение русской ментальности в языке и речи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (8–9 апреля 2004 г.). Липецк. С. 50–60.

Гарипов Я. З. 2017. Этноязыковые процессы в многонациональном российском регионе: тенденции развития и особенности социального проектирования (на примере Республики Татарстан). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора социологических наук. Уфа. 50 с.

Закон «О языках народов Республики Татарстан» (от 8 июля 1992 г., № 1560-XII) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <http://base.garant.ru/8119056/1/> [Дата посещения: 28.08.2017].

Заседание Совета по межнациональным отношениям. 20 июля 2017 года // kremlin.ru URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> [Дата посещения: 28.08.2017].

Исхакова З. А. 2002. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Язык и этнос на рубеже веков. Казань: Магариф. С. 13–41.

Клементьев Е. И. 2005. Карелия: идентичность и язык в зеркале переписи 2002 г. // VI Конгресс этнологов и антропологов России. Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН. С. 460.

Макарова Г. И. 2016. Языковые практики молодёжи в досуговых пространствах Казани // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / Под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, А. Р. Мухаметзяовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 104–120.

Мухарямова Л. М. 2003. Языковые отношения: политологический анализ. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та. 276 с.

Нам И. В. 2005. Этноязыковые процессы в Тюменском регионе: Ожидания и итоги // VI Конгресс этнологов и антропологов России. Тезисы докладов / СПб.: МАЭ РАН. С. 461.

Намруева Л. В. 2014. Состояние калмыцкого языка (по итогам социологических исследований 2008, 2013 гг.) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 25–27 сентября 2014 г. / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 312.

Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: Эдиториал УРСС. 2000. 224 с.

Салихова Э. А., Искужина Н. Г. 2013. Параметры варьирования русского языка в условиях городского билингвизма // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр. № 5.1 (41). С. 134–154. // URL: <http://www.nkras.ru> [Дата посещения: 28.08.2017].

Gumperz J. J. 1982. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.

Appel R., Muysken P. 1987. Language contact and bilingualism. London: Arnold. 213 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.467

The Ethno-Linguistic Behavior of Kazan's Young Residents (Based on Materials from Half-Formalized Interviews)

Makarova Guzel Iliasovna

Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, the Department of Ethnology, Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.
Email: makarova_guzel@mail.ru

Abstract. This article examines how the change in the Tatar language's status (which occurred after the collapse of the Soviet Union), together with the introduction of its mandatory study in the republic's schools, effects the ethno-linguistic behavior of youths living in Kazan. It is based on texts from 20 half-formalized interviews (with biographical elements) with Tatars and Russians aged 18–29. Three groups were selected among those interviewed, based on their attitude towards the Tatar language, which can be nominally designated as such: "oriented towards the language", "moderately oriented" and "nihilists". The conducted analysis shows that Russian has been and still remains the dominant language in Tatarstan's capitol when communicating at work. The exception being people whose professional activity is directly connected with Tatarstan's language and culture. In a number of fields – for example, politics, civil service – the Tatar language remains important as a symbolic resource. It is used fragmentarily in fields having to do with working with the population, especially when it comes to visiting rural areas of the republic. Those specialists who work in the technical fields (especially IT) are the ones who use it the least. Kazan youths also tend to use the Russian language for informal communication. However, those who moved from Tatarstan's villages and are studying at urban Tatar schools and gymnasiums use the Tatar language as well as Russian. Other members of the younger generation (both Tatars and Russians) usually tend to limit themselves to using individual phrases and expressions. Meanwhile Tatars often use their native language at home. Lots of people choose one tactic or another for teaching it to their children, since they see it as a means for conserving their ethnic identity. Most Russians encourage the study of the Tatar language in schools, as a display of tolerance towards their neighboring ethnos, and respect for the ethno-cultural specificity of the region that they live in.

Keywords: ethno-linguistic behavior, linguistic practices, Russian language, Tatar language, youths.

References

Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. London, Arnold, 1987. 213 p.

Burykin A. A. Mental'nost', jazykovoe povedenie i nacional'no-russkoe dvujazychie: Yazyk men'shinstva kak "tayny yazyk" v otechestvennom sociokul'turnom context [Mentality, linguistic behavior and national-Russian bilingualism (the minority language as a "secret language" in the domestic sociocultural context)]. Online Library "LITSOCH.RU". URL: <http://www.litsoch.ru/referats/read/364001> [date of visit: 01.09.2017]. (in Russ.)

Garipov Y. Z. Etnojazykovye processy v mnogonacional'nom rossiyskom regione: tendencii razvitiya i osobennosti social'nogo proektirovaniya (na primere Respubliki Tatarstan) [Ethno-linguistic processes in a multinational Russian region: development trends and features of social design (on the example of the Republic of Tatarstan).]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoy stepeni doktora sotziologicheskikh nauk. Ufa, 2017. 50 p. (in Russ.)

Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 225 p.

Ishakova Z. A. Funkcional'noe vzaimodeystvie tatarskogo i russkogo yazykov v sovremennom Tatarstane [Functional interaction of Tatar and Russian languages in modern Tatarstan]. Yazyk i etnos na rubezhe vekov. Kazan', Magarif, 2002, pp. 13–41. (in Russ.)

Klement'ev E. I. Karelija: identichnost' i yazyk v zerkale perepisi 2002 g. [Karelia: identity and language in the mirror of the 2002 census]. VI Kongress etnografov i antropologov Rossii. Working papers. Saint-Petersburg, 2005. P. 460. (in Russ.)

Makarova G. I. Yazykovye praktiki molodiozhi v dosugovyh prostranstvah Kazani [Language practices of young people in the leisure spaces of Kazan]. Gosudarstvennye yazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmereniy. Ed. by. G. F. Gabdrahmanova, G. I. Makarova, A. R. Muhametdzianova. Kazan Institut istorii im. Sh.Mardzhani, 2016, pp. 104–120. (in Russ.)

Muhariamova L. M. Yazykovye otnoshenija: politologicheskij analiz [Language relations: political analysis.]. Kazan, KSU publ., 2003. 276 p. (in Russ.)

Nam I. V. Etnojazykovye processy v Tiumenskom regione: Ozhidaniya i itogi [Ethno-linguistic processes in the Tyumen region: expectations and outcomes]. VI Kongress etnografov i antropologov Rossii. Working papers. Saint-Petersburg, 2005, p. 461. (in Russ.)

Namrueva L. V. Sostojanie kalmyckogo yazyka (po itogam sociologicheskikh issledovaniy 2008, 2013 gg.) [The state of the Kalmyk language (based on the results of sociological research of 2008, 2013)]. Pozitivnyj opyt regulirovaniya jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov v regionah Rossijskoj Federacii. Conference working papers. Ed. by G. F. Gabdrahmanova. Kazan', Institut istorii Sh. Mardzhani, 2014, p. 312. (in Russ.)

Rechevoe obschenie v uslovijah yazykovoy neodnorodnosti [Speech communication in conditions of linguistic heterogeneity]. Moscow, Editorial URSS, 2000. 224 p. (in Russ.)

Salihova E. A. , Iskuzhina N. G. Parametry var'irovaniya russkogo yazyka v uslovijah gorodskogo bilingvizma [Parameters of variation of the Russian language in urban bilingualism]. V mire nauchnykh otkrytij. Krasnojarsk, Nauchno-innovacionny centr, 2013, no 5.1 (41), pp. 134–154. (in Russ.)

Zakon «O jazykah narodov Respubliki Tatarstan» [The law “On the languages of the peoples of the Republic of Tatarstan”]. (8.07.1992 # 1560-XII). (in Russ.)

Zasedanie Soveta po mezhnacional'nym otnoshenijam. 20.07.2017 goda [Session of the Council on Interethnic Relations]. Russian President official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> [date of visit: 28.08.2017]. (in Russ.)